

Эдуард АНАШКИН

ЖИТЬ БЕЗ НАРКОЗА

Есть писатели, чьи биографии захватывают читателя не меньше, чем произведения. Потому что их произведения – продолжение авторской судьбы. Таких писателей немного, и к таким принадлежали из зарубежных прозаиков Джек Лондон и Эрнест Хемингуэй, а из русских писателей XX века можно назвать Владимира Карпова, автора уникальной военной, и не только, прозы. Таким писателям не надо искать своего героя, потому что герои их произведений живут в них и находят писателей сами, в процессе их насыщенной жизни.

Современный замечательный прозаик Николай Фёдорович Иванов – из этой категории редких писателей. И дело даже не в боевых наградах, среди которых такие почётные, как орден «За службу Родине», медаль «За отвагу», высшая награда комсомола «Воинская доблесть», не говоря уж о множестве других военных и литературных наград. Дело в судьбе, которая вполне может стать сюжетом отдельного романа о нём. Она, судьба, благоволила Николаю Иванову настолько, что ставила его в самые трагичные ситуации, и, видимо, ему ничего не оставалось, как применить этот же принцип к своим литературным героям.

Любит, ой любит Николай Иванов ставить своих героев в поистине страшные, безвыходные обстоятельства. Но это и делает его в прозе драматургом. Не случайно на сцене Брянского драматического театра несколько сезонов шла его пьеса «Белый танец», в которой героя приглашает на вальс самая капризная и непредсказуемая дама – война.

Ведь боевая обстановка, непредвиденные ситуации и выявляют суть человека. У Иванова их в жизни было предостаточно, придумывать особо ничего не надо. Причём происходили они как на театре военных действий, так и в мирной жизни. Начать с того, что в предательские 1990-е годы он, офицер, дававший присягу верности стране, не изменил ей и не стал орудием исполнения указаний «прорабов перестройки» и рынка. Он оказался единственным в центральном аппарате министерства обороны, кто подал рапорт с просьбой об отставке. Вот, к примеру, два приказа: один издан в сентябре, а другой – в ноябре, после кровавых событий в октябре 1993 года.

Всю жизнь, куда бы ни бросала Иванова его щедрая на перипетии судьба, он оставался верным

П Р И К А З

по редакции журнала „Честь имею“

№ _____

„31“ сентября 1993 г.

гор. Москва

Сегодняшние действия Президента, Верховного Главнокомандующего ВСЮГА В.И. по устранению законных органов власти считают антиконституционными и антинародными. Моя должность и честь офицера требуют незамедлительной реакции. Не вижу для себя возможным находиться на данном посту в период, когда в стране воцаряется единоличная власть человека, политику которого я не разделяю и не поддерживаю.

Исходя из этого, считаю с себя полномочия главного редактора до полного восстановления конституционных норм.

Для обеспечения нормальной работы редакции исполняющие обязанности главного редактора возлагаю на своего заместителя подполковника Соеницкого Е.А.

Честь имею!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА
„ЧЕСТЬ ИМЕЮ“
подполковник Соеницкий Е.А.
И. ИВАНОВ

П Р И К А З

по редакции журнала „Честь имею“

№ 210

„15“ октября 1993 г.

гор. Москва

С 25 июня 1992 года по сегодняшний день имел счастье возглавлять коллектив редакции журнала „Советский воин“ – „Честь имею“.

Неизбежные для любого главного редактора трудности и сложности многократно перекрывались гордостью за принадлежность к лучшему журналу в Вооруженных Силах. Высшим своим долгом считал проводить в журнале линию патриотизма, любви к Отечеству, внимания к людям в погонях. Во главу угла ставил честь и достоинство человека. Болея и не желая единственного: оскорбить и обидеть сотрудника, не заметить талант и не воздать ему должное.

По стечению обстоятельств вынужден прервать свое руководство журналом. Как офицер и человек считаю свой поступок единственно верным. Допускаю некоторую его увязимость как руководителя, но, за все добро, если что сделал для редакции, прошу простить и понять.

Продолжаю, благодаря всех без исключения за совместную службу. Верю в искренность отношений, существовавших между нами. Желаю творческого беспокойства и счастья в ваших домах.

Честь имею!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА
„ЧЕСТЬ ИМЕЮ“
подполковник Соеницкий Е.А.
И. ИВАНОВ

воином России. Не случайно многие годы руководил журналом министерства обороны РФ «Советский воин». А бывших воинов, как и воинствующих атеистов, известно, не бывает. Николай Иванов прошёл горячие точки: Афганистан и Чечню, был в Южной Осетии – Цхинвале. Перед референдумом в Крыму, в Севастополе собрали с известным поэтом Александром Бобровым писателей Крыма и на Сапун-горе подняли копию Знамени Победы. Сказали: «Россия с Вами!»

Много раз Николай Фёдорович был в Донбассе, прорвался даже в Сирию. Для этого написал министру обороны России письмо, смысл которого сводился к следующему: «К бойцам летают чётёчки, частушечники, балалаечники, и ни одного писателя не посылаете. А завтра будем на коленке сочинять историю нашего сирийского похода?..»

В течение четырёх месяцев томился в чеченском зиндане, небо видя только когда выводили на расстрелы или бросали живьём в могилу. Боевики прозвали его Полковник Чехов. Знали, что Иванов – по званию полковник, а по призванию – писатель. От гибели Николая Фёдоровича спасло только чудо и... успешная спецоперация по его освобождению. Главный итог его чеченского плена – это когда жены оперативников, которые пошли в горы на его вызволение и сами пропали из связи, замерли от страшных мыслей, а после возвращения задали мужьям единственный вопрос: «Что за человек Иванов, стоило ли ради него рисковать?». А он сам, едва оправившись от пережитого, снова едет в Чечню, издавать газету «Чечня свободная». Его реплика: «Боевики как-то сказали: «Полковник, если останешься жив, мы тебя провезём по ямам, по которым тебя таскали». А я решил: если останусь жив, сам приеду...»

Не прекословя жизни, Иванов-прозаик и героев своих книг ставит в безвыходные ситуации. И уже потом вместе с ними ищет выход, как правило, заранее сюжет не выстраивая и финал не планируя. В новелле **«Тот, кто стреляет первым»** комбат во время атаки грузинского спецназа на Цхинвал ранил девушку, находившуюся среди боевиков. Оставшись на нейтральной полосе, она под солнцем умирала от ран. И держали её под прицелом с обеих сторон. Комбат, зная, на что идёт, рванул к девушке. И на распахе получил очередь.

«...Надломился комбат. Опрокинулся сначала в небо, потом неловко упал на бок. С усилием, ещё при памяти и силе, перевалился на спину: так и впрямь надо делать при ранении в живот, он не зря мысленно подсказывал это девушке. <...>

Утихало всё на нейтральной полосе для майора и девушки. Земная жизнь начала течь уже без них, и,

осознав эту отрешённость, они вдруг потянулись навстречу друг другу пальцами от крови пальцами. Слово уверовав, что спаслись они могут только вместе...

Подтянув своё обмякшее, переполненное кровью тело, майор с усилием выбросил его вперёд. Бросок получился никчёмный, зряшный, потому что всё равно его не хватило дотянуться до девушки, хоть и было того расстояния ровно на ствол автомата, лежавшего между ними.

И перевалило солнце через валун. И сдалась девушка, прикрывая веки. И оставшийся в одиночестве майор тоже понял: всё! С этого момента ни ему, ни соседке не требовалось ни подтягивать под свои раны земной шар, ни отталкиваться от земли – та сама замерла перед тем, как принять рабов Божиих к себе.

И тогда встал с белым платком в руке начальник штаба. Из-за листьев тут же, словно боясь опоздать, торопливо скатился грузинский офицер. Сделали навстречу шаги. И выбежали им на подмогу другие солдаты, да с обеих сторон, да уже не высчитывая равного количества, – доверились среди войны и ненависти друг другу. Хорошо всё-таки, что был Советский Союз.

И упали на колени живые перед погибавшими, оторвали их от слишком гостеприимной земли. Подняли, осторожно понесли, сдерживая шаг и пряча взгляды от пульсирующих ран. Каждого в разные стороны, в окопы, ошетилившиеся друг против друга оружием.

Тот, кто стреляет первым, умирает всё же вторым. Но здесь, на цхинвальском склоне, с обеих сторон молились, чтобы остались живы раненые.

Оба».

Да, проза Иванова оставляет впечатление того, что действие творится здесь и сейчас, и читатель сам является его сотворцом и участником.

Я всегда считал, что главная работа писателя – за письменным столом. И от слов своих не отказываюсь. Но Николай Иванов – редкое исключение из правила. Его основное рабочее место – сама жизнь. До того как садиться за произведение, Иванов словно проживает его. Известный как автор суровой военной прозы, он в не меньшей степени и лирически воспекает в ней человека, который, познав тяготы войны, особенно ценит радости мирной жизни. Об этом свидетельствует новая книга Николая Иванова «Тот, кто стреляет первым», подаренная мне автором в 2017 году с автографом: «Моему брату по творчеству – Эдуарду Анашкину, обладающему внутренним зрением и способным за строчками увидеть автора. С поклонением Н. Иванов».

Когда я имел возможность, частенько приезжал в Дом творчества «Переделкино» – поработать, встре-

титься с друзьями-коллегами по перу. Однажды здесь, в Переделкино, гуляя по аллеям, разговорились с Николаем Фёдоровичем о литературе, о радостях мирной жизни. И он мне сказал так: «По моему мнению, настоящая литература о войне – самая жизнеутверждающая! Ненавижу километры стреляющих книг на сегодняшних книжных полках, где очередная стрельба, очередной бой. Это стрелялки, показывающие вроде крутизну героев, но обесценивающие жизнь солдата. Поэтому о войне надо писать без наркоты. Как только отстранился, обезопасил себя, свои нервы, то потратишь время на строчки, но не создашь настоящего произведения».

Иванов в это время проводил совещание с молодыми военными писателями. Семинар проходил в новом корпусе, на первом этаже, около бильярдного стола. Большинство семинаристов писали первые рассказы именно о стрельбе, выпячивая грязь, мат, дурачества командиров.

Три дня руководитель не мог втолковать начинающим, что не надо надевать белые манишки и мантии судей, чтобы свысока о своих боевых друзьях писать столь пренебрежительно и уничижительно. Твердили – это правда войны. Доказывал, что правда войны – это и когда воробей прыгает по колючей проволоке. Когда по крыше землянки бежит ручей... Не доходило, сплотились, взяли оборону.

На третий день Иванов принёс на семинар бутылку водки и одно яблоко. Молча разлил водку на всех, разделил по кусочкам яблоко. Одно на всех. Пригласил всех к бильярдному столу, у которого вели семинар: «Давайте поднимем сразу третий тост. За погибших наших друзей. И подумаем, как и что о них, находящихся на небесах, пишем и сочиняем мы, оставшиеся в живых. Будет ли им приятно, что их дети будут читать и думать о своих погибших отцах. И хотели бы вы, чтобы о вас были написаны такие книги. Третий тост».

И гробовая тишина. Долго не выпивали. Стояли, погружённые в себя и свои строчки. И всё словно перевернулось в сознании. Точнее, стало на свои места. И я очень рад, что на семинаре были такие молодые писатели, потому что одиннадцать человек ныне члены Союза писателей России. Возможно, они поняли смысл эпитафии, который Николай Иванов сделал для своей книги: «Не выстрелы пою, а тех, кто шёл под пулями. Не войне поклоняюсь, а тем, кто не прятался от неё. Русскому солдату».

Очевидно, что военная проза Николая Иванова, помимо её художественных достоинств, ещё и документ эпохи. Ведь она существует в очень редком жанре – где за художественностью угадывается документальная конкретика. Прочитав в новелле

«Золотистый золотой», как мать русского солдата, обезглавленного в плену боевиками, приезжает в Чечню, чтобы забрать тело сына, мгновенно понимаешь, что речь идёт о вполне конкретном событии и вполне конкретных людях. О русском великомученике-солдате Евгении Родионове, который даже в чеченском плену не снял православного креста, за что был зверски обезглавлен. О солдате, под пером Иванова ставшем символом и образом одновременно. Как и его самоотверженная мать, которой циничные бандиты предложили забрать тело сына, но лишь пройдя по минному полю... И мать, ни минуты не задумываясь, пошла по нему, словно ведомая свыше. И ни одна мина не посмела седонировать под ногами этой женщины, словно это шла святая, не касаясь земли ногами. Да, только такая женщина могла родить и воспитать героя-солдата! Этот эпизод в книге поражает одновременно трагизмом и эпическим лиризмом. А вот концовка:

«...И выслушав её тихий стон, тоже седой, задёрванный противоречивыми приказами, обвинённый во всех смертных грехах политиками и правозащитниками, ни разу за войну не выспавшийся подполковник дал команду выстроить под палящим солнцем полк. Весь, до последнего солдата. С Боевым знаменем.

И лишь замерли взводные и ротные коробки, обозвав закованное в бронезилеты и каски каре, он вывел нежданную гостью на середину горного плато. И протяжно, хриплым, сорванным в боях голосом прокричал над горами, над ущельем с остатками банд, над минными полями крикнул так, словно хотел, чтобы услышали все политики и генералы, аскакалы и солдатские матери, вся Чечня и вся Россия:

– По-о-olk! На коле-ено-о-о!

И первым, склонив седую голову, опустился перед маленькой, босой, со сбитыми в кровь ногами женщиной.

И вслед за командиром пал на гранитную пыльную крошку его поредевший до батальона, потрёпанный в боях полк.

Рядовые пали, ещё мало что понимая в случившемся.

Сержанты, беспрекословно доверяющие своему «бате».

Три оставшихся в живых прапорщика – Петров и два Ивановых – опустились на колени.

Лейтенантов не было. Выбило лейтенантов в атаках, рвались вперёд, как мальчишки, боясь не получить орденов. И следом за прапорщиками склонились повинно майоры и капитаны, хотя с курсантских погон их учили, что советский, русский офицер имеет право становиться на колени только в трёх случаях:

испить воды из родника, поцеловать женщину и по-прощаться с Боевым знаменем.

Сейчас Знамя по приказу молодого седого командира само склонялось перед щупленькой, простоволосой женщиной. И оказалась вдруг она, вольно или невольно, по судьбе или случаю, но выше красного шёлка, увитого орденовыми лентами ещё за ту, прошлую, Великую Отечественную войну.

Выше подполковника и майоров, капитанов и трёх прапорщиков – Петрова и Ивановых.

Выше сержантов.

Выше рядовых, каким был и её Женька, героических дел не совершивший, всего один день побывший на войне и половину следующего дня – в плену»...

Вот какие книги надо читать нашей молодёжи, чтобы не возникло желание каяться за победы своего народа!

Конечно же, взгляд Иванова на войну – это взгляд того, кто воевал. Для всяческих миротворцев и предателей заведомо неприемлемый. Конечно, взгляд военного человека бывает жёстким. Но взгляд писателя Иванова шире взгляда офицера Николая Иванова. А потому он показывает войну не только сплошной чередой ужасов и крови, какой она, конечно же, является.

И на войне, как показывает нам Иванов, жизнь, во имя которой война ведётся, продолжается. И люди так же, а может, даже сильнее, чем в мирной жизни, хотят любить и быть любимыми. И хотя смерть ходит в шаге от них, они сквозь вой пулю и стоны раненых думают о жизни мирной. Две молодые женщины санитарной части из новеллы **«Тридевятое царство»** обсуждают свою непростую женскую судьбу. Молодые военные, понятное дело, не только ходят в атаку и бьются с противником. В редкие спокойные часы они не против того, чтобы улыбнуться женщинам, даром что санчасть называют «тридевятым царством», то есть заповедной зоной, хотя всё намного проще: городок охраняют морпехи из Калининграда, 39-го (по автомобильным номерам) региона России. Жизнь и тут оказывается сильнее смерти, что караулит всех. И как раз мысль о такой правде войны пытался донести своим семинаристам в Переделкино Иванов.

«Вертолёт покачивало, и десантники, ощущая его неустойчивость, лежали не шевелясь. Громаку наконец удалось резким движением головы сбить с бровей огромные водяные шары пота. Но что же с вами делать, братцы остающиеся? Хоть за колёса хватайтесь, как лягушка-путешественница.

– Цепляйтесь за шасси, – мысль, навеянная сказкой, ещё не успела стать зримой, а уже сорвалась с языка. «Вертушка» заваливалась. Ей, не цапле, сто-

ять на одной ноге без умения ловить равновесие, держась лишь на воздушном вихре от винтов, становилось всё сложнее, и неожиданная сказочная подсказка несла выход из тупика...

Морпехи побежали под брюхо «восьмёрки», на ходу снимая автоматы и удлиняя на них ремни. Всё правильно, можно пристегнуться за стойки шасси, балочные держатели и блок под «нурсы». Имея по двадцать неуправляемых ракетных снарядов под задницей – где ещё так прокатиться?

Сердцев, став на колени перед Мережкой, уже осматривал металлический кусок, торчащий над ухом старшего лейтенанта. Поймав взгляд Громака, умоляюще выкрикнул глазами: «Быстрее».

Сам понимал, что его просьба ни на секунду не сдвинет время и возможности, молниеносно надел белые перчатки, протянул руку к батальонному врачу: инструменты. Значит, операция без промедления. Солдатик, державший голову командира в ладонях, отвернулся. Может, даже не из-за вида крови, сочившейся по металлу и собирающейся красным озерцом в его ладонях, а что впервые видел своего командира осунувшимся, пыльным и небритым. Значит, точно война. И если даже ротного достал осколок, то что говорить об обычном солдате!

Громак, опережая врача, вновь качнул вертолёт, проверяя «лягушек» и давая возможность привязавшимся, вцепившимся мёртвой хваткой за что ни попадя морпехам привыкнуть к высоте и качке, и приноравливая врача к вибрации, и отыскивая дорожку домой.

И пошёл вниз «Ми-8» – многоцелевой, второй в мире по применению, боевой транспортный. И висели на автоматных ремнях пехотинцы, перебирая в воздухе ногами, словно шли по небу. И перед самым вылетом из тумана раздалась выстрелы. Успел, успел Хаттабушка превратить дорожку спасения в тропу войны. И некуда было деться от огня «лягушатам» на внешней подвеске. Да и брюхо машины для разрывных – что фольга для иголки. И туман, ещё минуту назад проклинавшийся, вдруг оказался хоть и тончайшей, как вуаль, но последней и единственной защитой. Как же быстро она истаявала!

...Но когда первый толчок от попадания пули ударил под бронеплитой, из вечернего сумрака и грязного тумана вынырнул ведомый, который поднырнул и стал под «восьмёрку» командира. И вся разрывная свора, предназначавшаяся триста тридцать третьему с его грузом, полетела ему в брюхо. В его лопасти, его хвостовое оперение, в стёртые, без единого намёка на протекторы, колёса. А ведь у него полный дополнительный бак керосина на сотни литров. Размером на треть салона. Держись, двенадцатый. Судьба и связисты не дали же тебе

тринадцатый номер, приберегали для чего-то. Пусть это будет день нынешний...»

А какие прекрасные речевые характеристики даны писателем своим персонажам! Каждый говорит своим языком, они не унифицированы, несмотря на то, что военная форма и война – самый страшный унификатор. Они такие, словно мы их давно знаем. Да мы сами в каких-то жизненных ситуациях похожи на героев книг Николая Иванова. Потому так естественно примеряем на себя судьбы его героев, как бы ставя себя на их место.

Новелла **«Свете тихий»**: «Затягивая паузу, мужик переключился на двух кошек, бредущих вдоль забора:

– О, две варежки идут. Одна будет чёрная, другая рыжая... А навоз у Клавки не берите. Кто берёт – потом пять лет вообще на огороде ничего не растёт. Даже бурьян. Выжигает. Во питание...

– Васька, не морочь людям голову, – вслед за кошками шла аккуратно одетая старушка-гимназистка с прутиком, которым, как гусей, направляла их домой. – Иди приведи себя в порядок.

– Э-э, – возразил ей с улыбкой мужичок. – В человеке главное – внутренний мир!

Дождавшись, когда наставница унесёт на голове на достаточное расстояние корону из накладной косы, поведал:

– Тёща. Бывшая. Собаку облей в мороз водой – околеет. А эта каждую зиму в прорубь – и опять хрен да ни хрена, ходит поучает».

Одна из последних работ Иванова – о событиях на Донбассе, новелла **«Партер. Седьмой ряд»**:

«– Баю-баюшки, баю...

– Вика, милая, всё. Всё уже.

– Не отдам...

«Отдашь!» – ухнул рядом разрыв.

Комья земли за спиной – как падающие яблоки в домашнем саду.

Для непонятливых повторилось едва ли не над ухом: «Отдашь! Отдашь!!»

«Да-да-да-дааааа» – шавкой из подворотни подтявкнула господам артиллеристам дробненькая пулемётная очередь.

И вдруг озарение: какое же это счастье – оказаться во время обстрела на кладбище! Любой холмик – бруствер, памятник – стена каменная. Копачам вообще сказка: скатились в самими же вырытую могилу-окоп в седьмом ряду нового, всего лишь неделию назад открытого для захоронений, участка. Готовили могилочку для дитяти, лишней земли не захватывали, а вот, поди ж ты, легко втиснулись вчетвером.

– Баю-баюшки, баю...

– ...ююююю... – передразнила мина-«крылатка».

Не ведала, дурёха, что от самой полетят клочки по закоулочкам, едва коснётся земли. Иначе не насвистывала бы, а выла по-бабьи, изо всех сил удерживая себя в воздухе. А ещё лучше – вернулась бы к тем, кто снаряжал её, как поясом шахида, хвостовым оперением. Кто погладил выпуклые, в 120-мм, бёдра, но тут же предал, разжав пальцы и опустив в тесное, тёмное, пропахшее гарью жерло ствола. И всё ей окончательно должно было стать понятным, когда обожгло, возгорелось там, где шёл элегантный, как у балерины, крылатый подол пачки...

– ...аюшки-баю...

– Да-да-дааааа...

– ...ююююююю...

– Уух, уух, – проснулись, а может, только-только подскочили на подмогу сородичам всегда охочие до драки танки. Вот у кого дури по самые топливные баки. Такие, пока не снесут себе башню или им не наступят из гранатомёта по темечку, будут строить из себя ковбоев.

Гудело, свистело, ухало, чвакало, скрежетало – какая же гармония, уважительное равноправие царят в стреляющем оркестре. Всё – ради слушателей!..»

...Если немного оглянуться, с творчеством Николая Фёдоровича Иванова я знаком ещё с тех пор, как друзья прислали мне «Роман-газету» с повестью «Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре». Читая, я изумлялся мужеству автора и одновременно радовался, что открыл для себя нового талантливого писателя. Личным знакомством с Николаем Фёдоровичем Ивановым я обязан ответственному секретарю приемной комиссии Союза писателей России, прозаику Светлане Васильевне Вьюгиной. В мой очередной визит в Москву, на Комсомольский проспект, она привела меня в кабинет Иванова. Кофе Николай Фёдорович меня тогда угостил, а вот книгу свою «Семь нот о любви» подарил позже, на Всемирном Русском народном собрании в 2012 году.

Спустя несколько лет моя домашняя библиотека пополнилась ещё одной книгой Николая Иванова, изданной в Брянске: «Новеллы цвета хаки». Подарок случился в день Крещения Господня, 19 января 2015 года. Надпись: «Эдуарду Константиновичу – человеку Слова, Дела и Мысли. Искренне. Николай Иванов».

И вот новая книга – «Тот, кто стреляет первым». Новая высота, новый виток судьбы... Непростой, но счастливой и насыщенной судьбы замечательного писателя Николая Иванова, вполне заслуживающей, чтобы стать книгой.

Самарская область